

Худолей Наталья Викторовна

МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению способов актуализации межтекстовых связей в художественном тексте. Подробно рассмотрены эксплицитная, имплицитная и деривационная формы интертекстуальности, охарактеризованы основные интертекстуальные элементы, описаны их функции в художественном тексте. Интертекстуальность, являющаяся формой связи текстов разных культурно-исторических эпох, рассматривается как универсальная "кладовая" культурной памяти. Делается вывод о ведущей роли межтекстовых связей в процессе сохранения и передачи культурной традиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 199-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 168.522

Культурология

Статья посвящена изучению способов актуализации межтекстовых связей в художественном тексте. Подробно рассмотрены эксплицитная, имплицитная и деривационная формы интертекстуальности, охарактеризованы основные интертекстуальные элементы, описаны их функции в художественном тексте. Интертекстуальность, являющаяся формой связи текстов разных культурно-исторических эпох, рассматривается как универсальная «кладовая» культурной памяти. Делается вывод о ведущей роли межтекстовых связей в процессе сохранения и передачи культурной традиции.

Ключевые слова и фразы: текст; интертекстуальность; межтекстовые связи; формы (элементы) интертекстуальности; смысловая новизна.

Худолей Наталья Викторовна

*Красноярский государственный аграрный университет
nvkkaf@mail.ru*

**МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ[©]**

Возникнув в эпоху постмодернизма и активного вступления общества в интернет-коммуникацию, понятие интертекстуальности прочно внедрилось в область художественной коммуникации, а изучение характера межтекстовых связей является неотъемлемым компонентом анализа художественного произведения.

Применение теории интертекстуальности и понятия интертекста в художественной культуре обусловило необходимость тщательного изучения характера межтекстовых связей и разработку категориального аппарата для их описания. Описанием характера межтекстовых связей занимались Ж. Женетт [2], Н. А. Фатеева [7], Н. Пьеге-Гро [5], В. П. Москвин [4] и др.

Ж. Женетт, заложивший основу описания типов межтекстовых связей, представил, на наш взгляд, самое подробное их описание. Он исходил из понятия транстекстуальности, лежащей в основе любых межтекстовых отношений. Его классификация межтекстовых связей включает в себя такие виды текстового взаимодействия, как интертекстуальность (одновременное присутствие в одном тексте двух или нескольких текстов); паратекстуальность (отношение текста и его составляющих – заглавия, эпиграфа, предисловия, послесловия и т.д.); метатекстуальность (отношение текста с его прецедентными текстами); гипертекстуальность (производные отношения между предшествующим и новым текстами); архитекстуальность (жанровые отношения между текстами) [2; 5, с. 54-55]. Н. А. Фатеева, вслед за Ж. Женеттом, помимо пяти перечисленных выше типов межтекстовых связей, выделяет шестой тип – интертекстуальность как троп. К элементам интертекстуальности в составе художественного произведения Н. А. Фатеева относит все компоненты текста, отсылающие читателя к другому тексту: аллюзии, цитаты, реминисценции, пародию, заглавие текста, эпиграфы, жанровые параллели с текстом-предшественником, «точечные цитаты» в виде имен персонажей и т.д. [7]. Типология Ж. Женетта лежит в основе описания межтекстовых связей Н. Пьеге-Гро, которая полагает, что межтекстовые связи строятся, во-первых, на отношении соприсутствия в одном тексте двух или нескольких текстов, во-вторых, на отношении производности (деривационные связи). В первом случае Н. Пьеге-Гро вводит противопоставление между эксплицитными и имплицитными связями, поясняя при этом, что их наличие может быть установлено при помощи особых знаков, которые укажут на неоднородность текста. Это могут быть графическое обозначение при помощи особого типографского шрифта, или семантическая отсылка с прямым указанием текста – предшественника или его автора; более сложным случаем является видимое отсутствие таких знаков, когда читатель самостоятельно должен распознать интертекст [5, с. 84]. К эксплицитным формам интертекстуальности Н. Пьеге-Гро относит цитату, референцию, к имплицитным формам – аллюзию и плагиат. К межтекстовым связям, строящимся на отношении производности (деривации), относятся пародия, бурлескная травестия и стилизация [Там же, с. 95]. В. П. Москвин считает, что интертекстуальность возникает как результат использования фигур интертекста, таких как: цитирование, текстовая аппликация, текстовая аллюзия, парафраз (в частности, травестирирование), имитация (в частности, пародия и подражание) [4, с. 44]. Таким образом, опираясь на классификации межтекстовых элементов Н. Пьеге-Гро и В. П. Москвина, мы можем выделить следующие элементы (фигуры) интертекстуальности: цитата, цитирование (включая текстовую аппликацию), референция (реминисценция) – эксплицитные формы интертекстуальности; аллюзия, плагиат – имплицитные формы интертекстуальности; пародия, бурлескная травестия, парафраз, стилизация – производные (деривационные) формы интертекстуальности.

Цитата, точно передающая информацию, отличается от цитирования (цитации), т.е. процесса заимствования цитат. Цитату относят к одной из основных форм интертекстуальности, поскольку она непосредственно позволяет видеть процесс встраивания одного текста в другой [5, с. 84]. Цитирование имеет более сложный характер, его цель – направить читателя к цитируемым образам, сюжетам, мотивам, придать цитирующему тексту глубинный характер [Там же, с. 86]. Текстовая аппликация представляет собой прием цитирования, но без ссылки на конкретный источник, – своего рода вставку из известного произведения [4, с. 24]. К цитатам относят метатекстовые включения – заглавия, эпиграфы [1], поскольку в контексте нового текста они

становятся знаком, выражающим новый смысл. Обнаружение цитаты в тексте в целом не представляет особой сложности, поскольку при введении цитат автор может использовать различные типографские приемы, такие как графическое выделение цитаты в тексте, использование курсива или кавычек. Вместе с тем, обусловленность важнейших компонентов смысла цитаты выбором цитируемого текста, его объемом и границами, способом монтажа цитаты в новом тексте порождает определенную сложность в процессе идентификации и смысловой интерпретации цитат в новом контексте, поскольку требует большого читательского внимания. Непосредственные функции цитаты – выполнение роли ссылки на авторитет, подтверждение достоверности сказанного, орнаментальная функция – в поэтике интертекста меняются: цитата не просто напоминает читателю о своем изначальном смысле, но используется для выражения иного смысла, приобретаемого в новом контексте.

Другая форма эксплицитных межтекстовых связей – референция. Цель референции – направить читателя к иному тексту, при этом текст, на который ссылается автор, не приводится дословно [5, с. 87]. Разновидностью здесь может выступать реминисценция, определяемая как «осознанная или неосознанная, точная или преобразованная цитата или иного рода отсылка к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [6, с. 17]. В качестве реминисценций обычно используются имена собственные, названия прецедентных текстов, ритмико-синтаксические конструкции другого текста, отдельные лексемы: «Реминисценцией может стать и самый малый элемент текста. Слово “зегзица” (кукушка) из “Слова о полку Игореве”, появляясь в произведениях XIX-XX вв., обязательно вносит ассоциации со “Словом”» [8, с. 258]. Как художественный прием реминисценция (референция) рассчитан на ассоциативное мышление и читательскую память. Прямая функция реминисценции (референции) – авторитетность, указание на традицию, средство полемики или пародирования. В интертексте реминисценции обогащают произведение множеством новых значений, позволяя немногими словами выразить глубокий смысл. Выявление реминисценции помогает понять смысл того, что прежде казалось непонятным или не воспринималось как значимое.

К имплицитным формам интертекстуальности относятся плагиат и аллюзия.

Плагиат тесно связан с цитатой, их единственное отличие в том, что плагиат – это неотмеченная цитата, без указания на источник заимствования. Отношение к плагиату как имплицитной форме интертекстуальности неоднозначное. С одной стороны, плагиат подвергается суровой критике, поскольку плагиатор – это автор-обманщик, не создающий ничего нового [5, с. 176]. С другой стороны, возникшие в эпоху постмодернизма представления об изменении литературной традиции, «смерти Автора» автоматически влекут за собой изменение представления о плагиате, а само понятие плагиата признается устаревшим [Там же, с. 181]. Используя плагиат, автор преследует цель вовлечь читателя в своеобразную интеллектуальную игру по поиску следов различных произведений в тексте [Там же, с. 183]. Таким образом, интерполирование автором одного текста в другой преследует цель не столько присвоить чужой текст, сколько изменить его смысл, вписав в современный контекст: «Плагиат необходим. Прогресс требует плагиата. Он неотступно следует за фразой автора, пользуется его выражениями, стирает ложную мысль и заменяет ее верной» [Там же, с. 177].

Аллюзию часто сравнивают с цитатой, однако эта имплицитная форма интертекстуальности лишена буквальности. Если цитата, как правило, легко определяется в тексте, то аллюзия требует от читателя большей эрудированности, поскольку представляет собой намек, нечто тонкое и деликатное, соединяющее разные смыслы. При помощи аллюзий, тонких намеков, ведется смысловая игра с читателем. На игровое начало этой формы интертекстуальности указывает ее этимология: слово «аллюзия» восходит к латинскому «allusio», образованному от глагола «ludere» / «играть». Аллюзия призвана воздействовать на интеллект и память читателя, заставляя его распознать высказанную автором мысль, иногда изложенную иносказательно [Там же, с. 91-92]. Аллюзия производит на читателя тем большее впечатление, чем более известный текст упомянут автором. С помощью аллюзии автор может вводить читателя в более широкий культурный контекст, поскольку область аллюзий не ограничивается лишь литературными текстами, но апеллирует ко многим областям человеческой жизни [Там же, с. 91]. Таким образом, роль аллюзии – активизировать работу читательской памяти, вовлечь читателя в интеллектуальную игру с разными текстами культуры.

К интертекстуальным связям, строящимся на отношении производности (деривации), относятся пародия, бурлескная травестия, парафраз, стилизация.

Под «пародией» понимается прием трансформации сюжета произведения с сохранением его стиля. В поэтике интертекста пародией в широком смысле можно назвать игровое искажение смысла исходного произведения. М. Бютор считал, что в качестве пародии можно рассматривать даже цитату, попав в чужой текст, она меняет свой прямой смысл [Там же, с. 224]. Понимание пародии требует от читателя эрудиции и культуры. Пародия многопланова: за буквальным и явным первым планом пародии скрывается второй план – план объекта, а за ним глубинный третий план – план соотношения пародии и объекта. Увидеть этот глубинный план – значит понять главный смысл пародии [8, с. 201]. Эффект, производимый пародией, будет тем сильнее, чем точнее следует пародия пародируемому тексту [5, с. 95]. Комический эффект, как правило, достигается в результате буквального воспроизведения отрывка цитируемого текста в новом контексте, где его смысл деформируется. В поэтике интертекста пародия выполняет игровую функцию, являясь «действенным и остроумным средством литературной критики» или, напротив, средством шуточной «положительной эстетической оценки объекта» [8, с. 202].

В отличие от пародии, бурлескная травестия основана на приеме перевода произведения в низкий стиль, при этом сюжет произведения остается без изменений [5, с. 95]. Как правило, бурлескная травестия используется при необходимости создания комического эффекта, а комизм возникает благодаря несоответствию между излагаемым сюжетом и «низким» стилистическим регистром. Бурлескная травестия обращена в памяти читателя, его способности распознать мотивы исходного текста [Там же, с. 100]. Функция бурлескной травестии не сводится

лишь к сатирическому изложению сюжета произведения. Использование травестии помогает включить текст в современный контекст, поскольку, даже при изменении исходной стилистики, сюжетная структура текста сохраняется, осовременивается и становится ближе и понятней читателю [Там же, с. 103]. Таким образом, пародия, создаваемая в игровом ключе, и травестия, создаваемая в сатирическом ключе, способствуют вовлечению читателя в интеллектуальную смысловую игру, а также вводят текст в широкий культурный контекст.

Парафраз – это фигура интертекста, изменяющая лексический состав устойчивого выражения или текста [4, с. 26]. Механизм действия парафраза заключается либо в замене слова или словосочетания в структуре фразы, либо в изменении структуры исходной фразы. При этом, с точки зрения В. П. Москвина, замена должна быть неявной, незаметной, и осуществляться за счет введения в текст равносложных или близких по звучанию слов [Там же]. Парафраз часто выполняет эстетическую функцию (преимущественно в поэтическом дискурсе).

Стилизация (пастиш) – это литературная игра, в которой имитируется стиль исходного текста, при этом сам текст не подвергается деформации [5, с. 104]. В качестве объекта стилизации выступает, как правило, стиль определенного автора, те общие принципы, которые обеспечивают единство его письма. В этом случае игровой эффект может достигаться за счет многократного повторения одного и того же стилистического приема. Однако в отдельных случаях могут стилизоваться также «сквозные» темы автора, такие, которые можно обнаружить в любом его тексте. Такой прием двойной – структурно-содержательной – стилизации усиливает игровой характер стилизуемого текста. Для того чтобы распознать в тексте стилизацию, читатель должен иметь представление об имитируемом стиле [Там же, с. 109]. Стилизация, носящая игровой характер, во вновь создаваемом тексте выполняет, как правило, критическую функцию.

Таким образом, интертекстуальность является универсальным механизмом сохранения и трансляции культурной памяти. Интертекст не просто констатирует опыт прошлой культуры, но активно осваивает его в новом культурном контексте, осмысливая сквозь призму современности. Актуализация межтекстовых связей происходит за счет введения в новый текст фигур интертекстуальности. В основе фигур интертекстуальности, выполняющих не только функцию выразительной речи, но и функцию смыслопорождения, лежит прием использования элементов прецедентных текстов.

Введение автором в свой текст фрагментов других текстов говорит в пользу игрового характера интертекстуальности, вовлекающей читателя в интеллектуальную смысловую игру в процессе обращения к художественному произведению, заставляющую его разгадывать головоломку из цитат, аллюзий, реминисценций, указующих на предыдущие тексты, определять смысловое и функциональное их назначение в новом произведении. При этом межтекстовая компетенция читателя (его «культурный фон», «читательский тезаурус») будет играть определяющую роль при распознавании предшествующих текстов, выявлении степени их деформации и ассимиляции в новом тексте. Вместе с тем, нельзя говорить, что роль интертекстуальности сводима только к определению источников интертекста. Как справедливо отметила Н. Пьеге-Гро, ее роль заключается в возможности новых способов прочтения и интерпретации текстов [Там же, с. 43]. Поэтому вскрытие источника и обнаружение заимствований – лишь первый шаг при работе с интертекстом, поскольку основной целью здесь является обнаружение новых ценностей и смыслов. Любое литературное произведение создается в определенном историко-культурном контексте, отражает ценностную систему своего времени, является хранителем культурных традиций, основывается на определенных литературных источниках: «Своей манерой писать, прочитывая предшествующий или современный ему корпус литературы, автор живет в истории, и в тексте отражается общество» [3, с. 103]. Однако в новом историко-культурном контексте литературное произведение подвергается переосмыслению. Поэтому «анализ того, каким образом данное произведение подключается к определенной традиции, воспроизводя, но в то же время видоизменяя и предавая забвению те или иные источники, позволяет показать, что совокупность ценностей, общих для известной эпохи, требует нового прочтения интертекста и объясняет его новые разновидности. Изучение интертекста обнаруживает не только своеобразие данного произведения в данную эпоху, но и диахроническую эволюцию того или иного сюжета, той или иной традиции...» [5, с. 80]. Интертекстуальность интересна тем, что она представляет собой не только форму членения текста на фрагменты, из которых впоследствии создается новый текст, представляющий собой «мозаику цитации» (Ю. Кристева). Интертекстуальность, на наш взгляд, является, прежде всего, формой связи текстов, принадлежащих разным культурно-историческим эпохам, универсальным механизмом сохранения культурной памяти и транслятором культурного кода нации, ее культурной традиции.

Список литературы

1. **Арнольд И. В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 444 с.
2. **Женетт Ж.** Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашиниковых, 1998. Т. 1-2. 942 с.
3. **Кристева Ю.** Семантика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
4. **Москвин В. П.** Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. С. 16-51.
5. **Пьеге-Гро Н.** Введение в теорию интертекстуальности [Электронный ресурс] / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с. URL: <http://maxterdesign.narod.ru/piegegro.htm> (дата обращения: 17.02.2015).
6. **Супрун А. Е.** Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17-29.
7. **Фатеева Н. А.** Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5. С. 25-38.
8. **Энциклопедический словарь юного литературоведа** / сост. В. И. Новиков. М.: Педагогика, 1987. 416 с.

MECHANISMS FOR ACTUALIZATION OF INTERTEXTUAL RELATIONS IN LITERARY TEXT

Khudolei Natal'ya Viktorovna
Krasnoyarsk State Agrarian University
nvkkaf@mail.ru

The article aims to examine the means for the actualization of intertextual relations in literary text. The paper analyzes in detail the explicit, implicit and derivational forms of intertextuality, characterizes the basic intertextual elements, describes their functions in literary text. Intertextuality being a form of the connection of the texts of different cultural-historical epochs is considered as a universal “storehouse” of cultural memory. The author concludes on the prevalent role of intertextual relations in the process of preserving and transferring cultural tradition.

Key words and phrases: text; intertextuality; intertextual relations; forms (elements) of intertextuality; semantic novelty.

УДК 316.37

Философские науки

В статье рассматривается процесс социализации личности в условиях мультикультурного общества. В этой связи изучаются риски адаптации к социальной парадигме глобального мира как отдельного индивида, так и целых общностей. В работе автором обосновывается положение о том, что социализация личности сегодня происходит в условиях мультикультурализма, что неизбежно ведет к появлению единой глобальной культуры, центром которой являются наиболее развитые страны.

Ключевые слова и фразы: мультикультурное общество; риски социализации; социальная парадигма; общность; тип конфликта; коммунитаризм; постмодернистский мир.

Царегородцев Сергей Николаевич
Марийский государственный университет
sergeytsar@rambler.ru

РИСКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ[©]

В XX веке экономические, политические, демографические, коммуникационные последствия глобализации сложнейшим образом переплелись с социокультурными процессами постмодернизации. Эта проблема определила цель данной работы: разобраться в сложившихся противоречиях, с которыми, приходится, сталкиваться современному человеку в ходе своего взаимодействия с различными социальными институтами и членами общества. Что, в свою очередь, говорит об актуальности этой статьи.

В глобализирующемся мире имеет смысл выделить несколько вкладывающихся друг в друга общностей: глобальную, цивилизационную, национальную, локальную. Между этими группами неизбежно возникает конфликт, приводящий к целому ряду серьезных проблем. Ярким примером этому служит столкновение постмодернистской западной цивилизации, с традиционными не западными цивилизациями, прежде всего арабским Востоком и исламской общностью [3, с. 19].

Именно эти проблемы и являются предметом, рассматриваемым в данной статье.

Другим типом конфликта является конфликт, возникающий внутри общности: например западной (европейской) цивилизации, он обсуждается в рамках спора между сторонниками либерализма и коммунитаризма.

Причиной конфликта является, то что «коммунитаризм» как тип идеалов, находится внутри западной системы ценностей, основу которой составляют, прежде всего, главенство права и ценности индивидуальной жизни, а «коллективизм», в свою очередь как тип идеалов, не признает приоритеты этой системы ценностей.

На сегодняшний день мир, стоящий на ступени развития модернизации или даже более низкой ступени развития, так или иначе, сталкивается с постмодернистским миром, который в силу своего господствующего положения оказывает на него влияние доминанта.

Во второй половине XX в. Западный мир вошел в фазу «постиндустриального» развития, для которой характерным является уменьшение роли производства, расширение сферы услуг, развитие информационных технологий, спрос на специалистов с более высоким профессионально-техническим уровнем, следствием этого является рост потребности в более высоком уровне образования, а главное, повышении уровня жизни и обеспеченности ресурсами, для того чтобы это образование могли получить все желающие. Результатом процессов, изложенных выше, становится рост численности студенческой молодежи и образование особого «молодежного сообщества» со своей субкультурой. Молодежь очень противоречивая, энергонасыщенная, подвижная и потому взрывоопасная среда. Для молодых людей характерны, такие качества и стремления, как максимализм, желание все поменять, изменить, получить все и сразу, склонность к «прямодействию», неприятие существующих в социуме ограничений, сочетание индивидуального и коллективного. На этой почве в Европе расцветают левые идеи, сначала вылившиеся в молодежные бунты 1968 г., а после их провала – в террор «красных бригад» в 1970-х гг.